

Мужун Цзю мог только смириться и кивнуть, хотя ему хотелось сразу же внимательно изучить книги, оставленные матерью, но пришлось отложить это на потом.

Когда Мужун Цзю снова увидел эти книги, был уже следующий день.

После напряжённого дня Мужун Цзю, умывшись, поспешил лечь в постель, чтобы продолжить чтение блокнота матери, с крайне сложными чувствами пытаясь понять эту женщину.

— Ацзю!

Знакомый голос заставил сердце Мужун Цзю ёкнуть. Он опустил руку с блокнотом и сел.

Мужун Цзю насторожился, прислушиваясь к звукам, и вскоре услышал голоса, доносящиеся с первого этажа, а затем всё более приближающиеся шаги по лестнице и коридору.

— Ацзю!

Шао Цихань с широкой улыбкой появился перед Мужун Цзю.

— Что с тобой?!

Мужун Цзю вздрогнул, положил чёрный блокнот на прикроватную тумбочку и, не надевая тапочек, босиком пошёл по ковру к Шао Циханю.

Дверь спальни была открыта, и Шао Цихань, улыбаясь, опирался о дверной косяк.

Мужун Цзю слегка приподнял голову, осторожно коснулся пальцем щеки Шао Циханя и с удивлением спросил:

— Что с тобой случилось?

Шао Цихань, хотя и улыбался, выглядел ужасно. Его густая чёлка не скрывала синяков на лбу, а на правой щеке тоже был синяк, уголок рта был рассечён, и кровь всё ещё сочилась.

— Ничего, просто подрался с Шао Цичжаем.

Шао Цихань пренебрежительно махнул рукой, но тут же вскрикнул:

— Ай-ай-ай!

Мужун Цзю убрал руку. Он всего лишь слегка коснулся синяка на лбу Шао Циханя, а тот уже

так кричал от боли. Видимо, он был серьёзно ранен.

— Как ты умудрился подраться с братом?

С упрёком спросил Мужун Цзю. Он подвёл Шао Циханя к дивану, усадил его и, повернувшись, начал искать что-то в прикроватной тумбочке.

— Сказал ему правду.

Шао Цихань скривился от боли:

— Ацзю, что ты ищешь?

— Аптечку.

Ответил Мужун Цзю, открывая другой ящик и продолжая искать:

— Что ты сказал, что так разозлило брата? — Где аптечка? Я точно помню, что она тут была.

— Ацзю, не ищи.

Шао Цихань, несмотря на боль, сказал:

— Дядя Дай уже видел, он пошёл за ней... Эй, дядя Дай так быстро?

Шао Цихань хотел встать, но Мужун Цзю резко остановил его.

— Сиди спокойно!

Мужун Цзю встал и, раздражённо крикнув, пошёл к двери, где взял аптечку у дяди Дая:

— Спасибо, дядя Дай, идите отдыхать, я сам справлюсь.

— Хорошо, молодой господин.

Дядя Дай с беспокойством посмотрел на Шао Циханя, кивнул и ушёл.

— Что с дядей Даем?

Шао Цихань, сидя на диване, чутко уловил странную атмосферу между Мужун Цзю и дядей Даем, с любопытством спросил.

Мужун Цзю одной рукой держал аптечку, другой придвинул низкий табурет к Шао Циханю, сел, поставил аптечку на колени и открыл её. Выбирая ватные палочки, он сказал:

— Позже расскажу, а сначала объясни, что случилось с твоим лицом? Брат, видимо, сильно разозлился, раз ударил тебя так сильно.

— Хм.

Шао Цихань фыркнул:

— Шао Цичжай специально целился в лицо, но, Ацзю, не волнуйся, ему тоже досталось.

— Ты тоже его ударил?

Мужун Цзю усмехнулся, надавив сильнее.

— Ай-ай-ай, больно!

Шао Цихань закричал от боли:

— Ацзю, я больше не буду, пожалуйста, полегче!

— Сам виноват.

Мужун Цзю не выдержал и посмотрел на Шао Циханя с осуждением, но всё же ослабил нажим, осторожно обрабатывая раны.

Шао Цихань, видя, как Мужун Цзю невольно проявляет заботу, забыл о боли и глупо улыбнулся:

— Ацзю, Шао Цичжай выгнал меня из дома. Ты меня приютишь?

— Что?

Мужун Цзю остановился, удивлённо посмотрев на Шао Циханя.

— Ацзю, пожалуйста, приюти...

Шао Цихань старался изобразить щенка, жалобно смотря на Мужун Цзю.

Но Мужун Цзю явно не поддался. Он нахмурился и почти холодно сказал:

— Тебе нужно извиниться перед братом.

— Ацзю!

Шао Цихань закричал:

— Ты даже не знаешь, почему Шао Цичжай меня выгнал...

Он указал на раны на лице и с горечью добавил:

— Посмотри, как он меня избил!

— Так что же произошло?

Снова спросил Мужун Цзю.

Шао Цихань немного помедлил, затем тихо сказал:

— Я сказал ему, что у меня есть любимый человек.

— О?

Мужун Цзю поднял бровь, с усмешкой спросил:

— И всё?

— Да, а что ещё?

Шао Цихань пристально смотрел на Мужун Цзю, пока не увидел явного недоверия на его лице, затем вздохнул и признался:

— Ладно, на самом деле Шао Цичжай не разрешает мне быть с этим человеком.

— Кто это?

Услышав это, Мужун Цзю на мгновение остановился, обрабатывая рану, но быстро продолжил.

Шао Цихань закрыл глаза, чувствуя прохладное прикосновение руки Мужун Цзю и лёгкие движения ватной палочки, и невнятно сказал:

— Через пару дней узнаешь.

— Что? Ты до сих пор хочешь сохранять тайну?

Мужун Цзю усмехнулся.

— Не тайну...

Шао Цихань тяжело вздохнул:

— Просто я не уверен, боюсь, что ты посмеёшься надо мной, если я скажу раньше времени.

Не дожидаясь ответа, он добавил:

— Я... помню всё, что ты мне говорил.

Мужун Цзю собирался пошутить, но, услышав последние слова Шао Циханя, передумал. Он наклонился вперёд, чтобы лучше обработать раны.

Шао Цихань всё ещё закрывал глаза, и, привыкнув к темноте, его чувства обострились. Он ясно чувствовал лёгкое дыхание Мужун Цзю, которое, как мягкое перо, ласкало его сердце, делая его всё более нетерпеливым.

Но как бы ни было трудно, он должен был сдерживаться.

Вчерашние слова Мужун Цзю сильно его задели.

Да, Мужун Цзю был прав: он действительно был безответственным повесой.

Положение семьи было завоёвано предками, богатство и бизнес поддерживались старшим братом, а он? Просто имея титул второго сына семьи Шао, он мог наслаждаться лучшими условиями, получать лучшее образование, общаться с элитой общества, и, приложив немного усилий, получать похвалы и зависть всех.

Он просто родился в правильной семье.

А Ацзю? Хотя он тоже унаследовал Группу Мужун как единственный сын семьи, он потерял мать в детстве, отца в юности и рано взял на себя управление этой огромной компанией. Теперь он стал человеком, равным его старшему брату Шао Цичжаю.

Если подумать, это действительно стыдно.

Мужун Цзю был прав: искренность не может удержать человека. Искренность, конечно, ценна, но люди живут повседневными заботами, а для таких, как они, это не только повседневные

заботы.

Шао Цихань хотел получить Мужун Цзю, но, прежде всего, мог ли он защитить Ацзю?

Даже сейчас, когда многие начинают терпимо относиться к гомосексуальности, большинство всё ещё смотрит на это с настороженностью и осуждением. Родители не хотят, чтобы их дети влюблялись в людей своего пола, общество бросает косые взгляды и распускает сплетни о публичных гомосексуальных парах.

Всё это показывает, насколько труден этот путь.

Он решительно вступил на этот путь и даже намеревался вовлечь в это Ацзю.

Единственный, кто знает об этом, Шао Цичжай, уже выразил своё категорическое несогласие.

<http://bllate.org/book/15114/1335859>